

Расима Бурангулова

Дорога домой

2021

18+

Расима Бурангулова

Дорога домой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65056462

SelfPub; 2021

Аннотация

В эту книгу вошли одни из самых любимых произведений автора: новеллы "Чёрная шаманка" и "Аллегорий. Новеллы. От благодарных потомков". Объединяет их земля – по сути, она и есть главный герой в этих произведениях. Земля порождает героев, она же служит им последним пристанищем... Книга будет интересна для Творцов, так как исследует тему вдохновения и творческого успеха, а также для тех, кто любит пофилософствовать – новеллы предоставят вам и такую возможность тоже.

Расима Бурангулова

Дорога домой

Чёрная Шаманка

Звучит кубыз.

Низкий мужской голос дополняет редкие его звуки своим велеречивым и неторопливым повествованием:

«Шаман во время камлания становится частью природы. Поэтому ему нужен костюм – чтобы было куда вернуться».

К кубызу добавляются «завывания ветра».

«Самые лучшие костюмы пошиваются у Нэлы. – Низко, почти шёпотом: – Ведь только шаман понимает шамана».

Тут раздаётся звук шаманского бубна.

И всё тот же голос, но уже быстро и жизнерадостно продолжает:

«Костюмы от Нэлы.

Божественно сильны, неукротимо прекрасны.

В них вы захотите вернуться!»

И, тихо и быстро, почти скороговоркой:

«Не требуют стирки, износостойки, подходят для использования в миру. Лицензия Бога за номером 24.05.1980 г.».

Обрывок радиорекламы

Нэла вошла в юрту. Устало легла на постель из душистого сена.

Звёзды приветливо мерцали ей с неба.

Она закрыла глаза и заснула крепким, здоровым сном.

К утреннему ритуалу было всё готово.

I

Холодная вода из родника, что горстями Шаманка плескала себе в лицо, журчала и смеялась, перечитывая последние стихи, что насочиняли за ночь поэты.

Нэла любила рано просыпаться. Тишина, что случается за минуту до пробуждения мира, – лучшее время для магии огня. Сесть поудобнее навстречу рассвету, подставить лицо солнцу. Ведь потом, в течение дня, её вновь будут донимать расспросами и придётся ходить в костюме, смотреть в землю. Работать. Оправдывать жизнь, что не должна была зародиться.

Нэла задумчиво посмотрела на траву. Что-то с ней было не так сегодня, и Шаманка легла навзничь, распластавшись, сливаясь с травой, приобретая одинаковый с ней цвет, уменьшаясь в размерах. Вот уже ящерка снует между травинок, перебирая лапками песчинки драгоценных самоцветов – мелких, незаметных человеческому глазу, но облада-

ющих очень полезными свойствами – для тех, кто сможет просеять сквозь пальцы, произнося никому ещё ни разу не читанный стих.

«Вырви глаз из моего лба, он третий и безумно меня уродует...»

Камни ударились оземь, и из каждого из них выросли огромные циклопы-шиханы.

Нэла трансформировалась обратно в человека.

– Нэла, ты серьёзно?

Старец в чалме спускался с холмов.

– Это поэзия, брат. Я почувствовала рифму.

– Ок, я тоже.

Они обнялись, Белый Ворон Сэсэн и Черная Шаманка Нэла.

– Что стряслось?

– Хотела спросить, что с травой. Она будто сама не своя.

– Курица вчера одна рассказывала, что привкус горький какой-то. Видимо, для тебя работка.

– Ясно. Что ж, спасибо за информацию.

– Отпишись, как закончишь.

– Хорошо, бывай, Сэсэн.

– Прощай, Нэла.

II

Солнце жгло щёки. Нэла завершила медитацию утра и по-

шла наряжаться в костюм. Начинался первый рабочий день нового года.

III

Костюм был наилюбимейшим ритуалом Чёрной Шаманки. Можно сказать, её гордостью.

Роста высоченного, косая сажень в плечах, этакая угловатость в целом – таков был силуэт.

Резкие линии продолжались и в лице: тонкий и большой рот – одной чертой, практически без изгибов, и такие же брови – только светлые и достаточно редкие – вроде бы есть и в то же время неявные на лице. Высокие, резко очерченные скулы, длинные, развевающиеся на ветру волосы. Голубые глаза. Обветренная, слегка загорелая кожа. Длинный, орлиный нос. В общем, облик получился суровым, но спокойным, облачённым в силу, мощь, благородство.

Нэла была очень довольна пошитым костюмом. И самое главное, ему очень шло, когда Нэла погружалась в землю, чтобы прочесть знаки. Восставая, шаманка с большой эффективностью обращала лицо к спрашивающему и открывала глаза. Их голубизна ещё резче проявлялась на испачканной землёй коже, мельчайшие морщинки становились глубже, рельефнее – всё это вкупе давало поразительную власть над созерцающим ритуал. Делало слова Нэлы значимее, весомее, а голос её убедительнее.

Потрясая каменными бусами, Нэла подзывала молнии – но это только изредка, когда того требовала ситуация.

IV

Погружение не давало результатов.

Нэла, распахнув как можно шире глаза, вглядывалась в черноту.

Ни-че-го.

Расстроившись, она вернулась на поверхность и села, сложив руки на коленях, устало опустив на них голову...

Ей было очень одиноко. И это чувство неизмеримой горечью рвалось наружу.

Вот что значили слова Белого Ворона.

– На кого же я оставлю работу?

Нэла не в первый раз осознавала всю иронию сложившейся ситуации – когда знание правды не решает буквально ничего.

Муравей деловито полз по её руке – тонкой, гладкой и белой, непостижимым образом вырвавшейся из костюма. До Нэлы донёсся далёкий шум листвы... И вот уже буря бушевала вокруг этой маленькой Ведьмочки.

Она обречённо обернулась к Гостю.

– Что ли, опять жители пожаловались?

Устало присела в реверансе и склонила голову. Какими бы ни были их отношения с Королём, смотреть ему в глаза

было всё-таки опасно. Очень опасно.

– Я лишил тебя костюма не поэтому.

Голос был грозен и суров, как всегда. Нэлу удивляло, что её оставляет равнодушным это качество Гостя – громыхать и рокотать своим голосищем, сотрясая всю Вселенную, и все не раздражает, да и не восхищает особо... А ведь это был Главный Дар Короля – то, что делает его Невероятным, возвышает над остальными, в том числе и над Нэлой.

Она думала не о костюме и не о причинах, по которым её лишили права на работу.

Она думала о своём отношении к Королю.

Было ощущение, что если она вдруг захочет, то легко выйдет из-под его влияния.

Она подняла глаза и посмотрела прямо на него. Буря испуганно отпрянула от её голубых, огромных, будто два блюда, глаз.

Муравей своей крошечной лапкой поддерживал бутылку, что еле держалась на неровных камнях. Вид у него был очень уставший, но по-прежнему деловой.

Со стоном Буря, уменьшаясь и сужаясь, стекала вот уже сизой струйкой сигаретного дыма в тоненькое горлышко коричневого стекла бутылки.

Не громами и камнепадами, а еле слышным сквозняком прошался Король со своей Королевой.

С той, что не покорила ему никогда.

Белый Ворон Сэсэн вовремя подхватил обессиленную от

напряжения Нэлу и, устроив её поудобнее на заботливо подкаченном Муравьём камушке, заткнул пучком травы бутылку с джином.

– Отличное зелье получится. Нэла, отпразднуем им осень – как думаешь?

Нэла слабо улыбнулась пересохшими, потрескавшимися от усталости губами и погрузилась в глубокий, как чёрные воды Байкала, обморок.

V

– Ревнуешь? – Сэсэн в упор смотрел на только-только проснувшуюся Нэлу.

Нэла устало легла на траву, вперилась взглядом в серое небо и призвала дождь.

Крупные капли дождя падали на её лицо, стекали с закрытых век по щекам тоненькими струйками, и, минуя белую изящную шею, в конце концов достигали земли.

– То было Счастье.

Голос Нэлы был глухим, словно из-под земли.

Белый Ворон Сэсэн лёг рядом и взял Нэлу за руку.

Они молчали.

Наконец лучший листочек каждого, даже самого юного деревца в окрестности обзавёлся личной капелькой.

Нэла готова была начать дирижировать.

Сосредоточившись и выбрав наилучший момент, она рез-

ко распахнула глаза.

Сорвавшись с ресницы, её личная капелька запустила эффект домино. Хрустальный звон первого дождя мая зазвенел волной мира, расцвечивая Вселенную симфонией любви.

VI

Нэла хитро глядела на Шамана, который с удовольствием прихлёбывал горячий травяной чай.

Костёр весело потрескивал, горели звёзды...

Нэла любовалась им, и впервые за долгое время чувствовала умиротворение и спокойствие.

– Ты меня смущаешь, правда. – Щёки Сэсэна и впрямь горели – то ли от костра, а может, и от стеснения.

Нэла невозмутимо потянулась, лёжа в холодной траве, и молча продолжила смотреть на небо – чёрное-пречёрное.

«Думал ли ты когда-нибудь о том, чтобы остаться?»

«Нет, Нэла. Я слишком люблю этот мир. Жизнь...»

«Там тоже – жизнь».

Белый Ворон Сэсэн встал и нервно заходил вокруг костра.

«К чему это разговор, Нэла?»

Будто поняв, что-то, он резко остановился и подошёл к всё ещё лежащей на траве Ведьме.

«Бессилие – не приговор, Нэла. Ты можешь просто жить...»

«Жить в этом мире может лишь тот, кто счастлив. Либо полезен. Я бесполезна, и слишком несчастлива, чтобы бороться за право на жизнь здесь».

«То есть ты всё уже решила». – Голос Сэсэна стал вдруг сухим и жёстким, как прошлогодние ветки ссохшейся липовой рощи, недалеко от которой они устроили свой стан.

«У меня нет сил даже подняться с этой земли, Георгий».
– Нэла впервые за долгое время назвала друга по его человеческому имени.

Белый Ворон Сэсэн, играя желваками, молча присел рядом с телом своей подруги. В нём всё ещё теплилась жизнь, но уже рассветало, и он понял, чего ждёт Нэла.

С первыми лучами солнца?

Нэла молча закрыла глаза.

Белый Ворон Сэсэн стремительно поднялся и вошёл в юрту. Быстро отыскав то, что нужно, он вернулся к еле дышащей Нэле.

Поднеся к её губам бутылку с джином, он...

«О ЧЁМ ТЫ ВООБЩЕ ДУМАЛ?» – Нэла даже не грохотала... Это был какой-то нестерпимый постоянный вой всех небесных сил одновременно.

«Ты нужна мне».

«ТО ЕСТЬ О СЕБЕ...»

«Мы сообщающиеся сосуды, и мы оба нужны этому миру».

«Нет тебя – нет меня, и наоборот. Я ПОМОГУ ТЕБЕ ВЫПУТАТЬСЯ!!!»

«Миру нужен был джинн. В бутылке».

«Ты сможешь».

«Я даже не знаю как...»

Маленьким комочком Нэла свернулась было в объятиях Белого Ворона... Но оба они знали, что тот, кого он с нежностью обнимал, более не имел к ней никакого отношения.

Король вступил в свои права – полноценно и безоговорочно, присвоив себе её хрупкое тело.

Заслонившие солнце тучи укрывали от него Нэлу. Сэс-эн с благодарностью подставлял свои веки крупным каплям всепонимающего дождя.

Его гортанное, полное душевного надрыва и в то же время очень мощное энергетически пение низким туманом ложилось на землю.

Наступали тёмные времена.

Земля включила программу защиты Нэлы и её Верного друга.

Солнце теперь было лишь одно.

VII

Алэйн вошла в полупустой ресторан.

Она сразу заметила сидящего лицом к входу брата. Свет от окна подчёркивал игрой теней на его лице изящность

черт.

– Чертовски красив!.. – шепнула себе Алэйн и решительно направилась к Фламинго.

– Она улыбалась!.. – Фламинго, зеркально скалясь в ответ, радостно поднялся ей навстречу, раскрыв руки для объятий.

– Наконец-то, наконец-то, наконец-то... – шептала Алэйна, вдыхая душистый запах брата...

– Ты права, я заждался...

Наконец они уселись на диван.

Стол был уже накрыт.

– Я заказал фруктов и твой любимый чай с травами и облепихой.

– Спасибо, братишка...

– Ну, ближе к делу? – Фламинго серьёзно смотрел на Алэйну.

– Да, конечно, брат.

Они по-прежнему не размыкали рук, и Алэйна с удивлением ловила себя на мысли о том, как рада она возможности выразить свою нежную любовь к брату, прикасаясь к его волосам, держа за руку.

– Что Нэла?

Алэйна задумалась.

– Если я правильно понимаю, её призвал Сэсэн?

– Да, Лэйна, Ворон.

– Сказать, что я в шоке, – не сказать ничего. Что ты сам

о ней думаешь?

– Ну, ты знаешь, когда она проявилась. Мы тогда устроили тебе «весёлые времена»... – Фламинго виновато смотрел в глаза Лэйне.

– Да уж, помню. И вы стали искать другой выход?

– Да. – Фламинго закрыл глаза руками, сдерживая рыдания.

– Прости, что мне было не до тебя... – Алэйна обняла брата, и так они долго-долго сидели и молчали.

Слёзы всё не заканчивались, и только когда Фламинго наплакал целый фужер розового шампанского с фантазийным коктейлем, он утёр слёзы и, ласково улыбнувшись, преподнёс его Лэйне:

– Я люблю тебя.

– Знаю, брат. – Алэйна кокетливо приняла подношение и, довольная, откинулась на мягкую спинку дивана. – И тут появился Он...

– Да... – Фламинго и Алэйна одинаково злодейски заготтали.

– Мы наблюдали за тем, как ему позволили учуять наш запах. И... Должен признать... Он очень достойно себя повёл. Он очень умён, этот Белый Ворон Сэсэн. Я даже не ожидал.

– Фламинго задумчиво погрузился в воспоминания... – Так быстро, практически мгновенно раскусил обманку и... Принял единственно верное решение. У него был лишь один альтернативный вариант, и он практически даже не разду-

мывал!..

– Тогда ты и явился...

– Да, он призвал Нэлу.

Алэйна тяжело вздохнула.

– Она согласовала наш контакт, и я взялся за работу.

Фламинго отвернулся к окну, не желая показывать Алэйн свою боль.

– Тебе было трудно... – Алэйна положила руку на плечо брата и прижалась подбородком. – Призывы всегда такая боль... – шептала она ему на ушко...

– Мне было трудно без тебя...

Алэйна не скрывала слёз...

...Когда они успокоились, Лэйна вновь обратилась к Фламинго.

– Что ты думаешь сам о ней?

– Она сильна.

– Это факт, а не то, что ты думаешь. Я вообще не понимаю, как...

– Вот именно ты и понимаешь. Вы равные.

– Ясно... – Алэйна заметно повеселела и пила чай, покачивая одной ногой.

– Её должен был призвать мужчина, и призыв состоялся.

И цена контракта...

– Ты. Правда, ему нужен для этой сделки переводчик, ибо действовать по наитию всегда сложно, и...

– Какая неожиданность, переводчик-то тоже...

– Он пока этого не почувал...

– Очешуенно. – Алэйна смотрела в своё будущее, и взгляд её был торжествующим...

– Твоя очередь... – довольно улыбаясь, прервал её мысли брат.

– Белый Ворон?

– Да, что думаешь?

– Эм-м-м... – Алэйна запустила ладонь в свою густую шевелюру и задумалась. – Я видела его в деле, поэтому за финал я спокойна.

– Путь, что он демонстрировал, – это путь без тебя, ему просто нужен переводчик, и это очень, очень важно.

– Оу... Не надо на меня давить. Я уже работаю над этим...

– И осознаёшь всю степень опасности?

– Я уже столкнулась, я в теме, брат. – Алэйна нахмурилась и опустила голову, услышав металл в своём голосе...

– Так что ты думаешь? – Фламинго довольно и хитро прищурился.

– Полагаю, нам следует в этом довериться носителю запаха.

На этом Алэйна с Фламинго вновь заговорщически засмеялись и приступили к десертам.

Кондитер в этом заведении был отменный.

VIII

Чёрная Шаманка Нэла и Белый Ворон Сэсэн торопливо входили в Чёрный лес.

Оба они были облачены в ритуальные костюмы, и времени до рассвета была им только одна ночь.

Тело Короля было отдано на волю русалок. Тьма пучины поглотила его, и более его никто не видел.

Достигнув самой пещеры, Нэла и Белый Ворон развели огонь.

Сэсэн насобирал ягод, грибов да кореньев, а Нэла – душистых трав для чая.

Для ритуала им требовались силы, а потому перво-наперво, прежде, чем войти в пещеру, они собирались поужинать, заодно и принести подношение Духам Таинственной Пещеры, в которую предстояло погружаться Нэле.

После длительного перерыва и Нэла, и Сэсэн были очень воодушевлены возможностью поработать вместе.

Эпилог

Когда ты спросишь меня, что я люблю больше – балет или юриспруденцию, я отвечу, что музыка есть жизнь. Ты уйдёшь, так и не узнав, что я говорила о группе Khoomei Beat.

14 сентября 2020, Уфа

Аллегорий. Новеллы от благодарных потомков

Возвращение Аллегория

I

Он остановился в начале улицы. Потемневшая древесина домов, прорывающаяся сквозь заборы цветущая сирень... Всё было по-прежнему. Аллегорий вдохнул полной грудью, почувствовав небывалое за долгое время умиротворение. Он вернулся домой.

Решительно, с некоторым радостным предвкушением чего-то замечательного, он двинулся по улице своего детства к родительскому дому.

Шёл не спеша, оглядываясь по сторонам в надежде встретить кого-то из знакомых. От волнительного ожидания немного кружилась голова. «Или это от запаха сирени», – подумал Аллегорий. Да, тогда ведь тоже цвела сирень – когда он уезжал отсюда, уходил, не оборачиваясь, на железнодорожную станцию, и все мысли его были уже в городе тогда. Никто его не провожал. Аллегорий сдержал наворачнувшиеся от вспомнившейся обиды слёзы. Смешно ждать, что сегодня кто-то встретит. Он улыбнулся своему волнению. Как давно это было... Аллегорий погрузился было в спа-

сительные воспоминания о своей городской жизни, полной головокружительных событий, ярких встреч, веселья, пустоты... Вспомнил, как перестал писать. Почему?

Он остановился у калитки, взявшись за металлическое кольцо на двери. Ответ на этот вопрос ждал его за дверью. Аллегорий вновь почувствовал приступ волнительного удушья, комок в горле от слёз. Почему ему сейчас так обидно от осознания того, что никто не поддержал его в решении уехать в город? Тогда он был настолько рад своему отъезду, что старые друзья детства казались ему временным явлением, несуразностью, глупой ошибкой Бога, поместившего его зачем-то в эту деревенскую глушь, давшего ему в руки гармонику, окружившего добрыми и простыми людьми. А ведь он писал. Истории, репортажи о несуществующих событиях. Мечтал печататься в лучших изданиях мира – Аллегорий был уверен, что заслуживал этой шикарной жизни популярного писателя. Достаточно написать один бестселлер – и ты хозяин мира. «Возможно, я жаждал успеха больше, чем творчества». Тяжёлое осознание собственной ошибки болью пронзило его сердце. Аллегорий всё ещё стоял у калитки. Это ли ответ? Он тяжело вздохнул.

Мог постучать в дверь, но знал, что дома его никто не ждёт. Аллегорий давно перевёз родителей в город, братьев и сестёр у него не было. Старики были горды за сына, очень быстро привыкли к своей новой городской жизни, радовались, как дети, благам цивилизации. А Аллегорий стыдливо

плакал в ванной от тоски по ночным посиделкам в деревне, у того покосившегося забора соседского дома. Когда он играл на гармонике, а она приходила и смотрела.

Он так и не познакомился с той девушкой в белой шали, что незадолго до его отъезда стала приходиться на их ночные посиделки – никогда не пела, не танцевала с другими. Просто сидела и смотрела на него своими красивыми серо-голубыми глазами. Аллегорий тогда не стал расспрашивать о незнакомке, решив, что это ни к чему ему – без пяти минут городскому жителю, студенту филологического факультета престижного университета. И он снисходительно играл для неё, глядя свысока. Представлял, что таких, как она, у него будет много в городе, только он не будет сидеть под покосившимся забором с гармоникой в руках, а будет стоять на огромной сцене перед большим количеством народа и будет читать свои опусы, а все вокруг, затаив дыхание, будут слушать его, боясь пропустить хоть одно слово из его очередного гениального творения...

Аллегорий толкнул дверь, вошёл во двор и разрыдался. Сдерживаемые им всю дорогу до дома слёзы хлынули из него, не принося облегчения, а, наоборот, погружая его в какую-то вселенскую тоску, смешанную с очень сильным страхом – вдруг он вновь ошибся, как тогда? Просто бросил всё – своих городских друзей, работу, родителей, – и опять, движимый собственным эгоизмом и самомнением писателя, отягощённого собственной гениальностью, не совершил

ли он ту же самую ошибку, вновь недовольный уровнем достигнутого успеха?

Да, совершил. Убогий дворник кричал ему об этом своей серостью.

Аллегорий валялся в слезах, соплях под яблоней у калитки, и обиду на друзей сменяла жалость к себе, рыдания переходили в поскуливания, и никак он не мог заставить себя встать и войти в дом. Аллегорий вновь страстно хотел в город. Только бежать обратно не было сил. Аллегорий накрылся пиджаком и заснул.

Проснулся от холода. Открыл глаза и увидел звёздное небо – впервые за долгое время он смотрел на такие яркие и близкие звёзды. Они сияли независимо от того, видит их Аллегорий или нет. Он улыбнулся им.

Аллегорий получил ответ.

II

Прошло два месяца с той поры, как Асклепий вернулся в родные пенаты. Его городское имя здесь никто не вспоминал, и он и сам стал забывать, что когда-то слыл Аллегорием, модным городским писателем.

В первый же вечер после приезда он взял в руки гармонику и вышел к покосившемуся забору у соседского дома. Просидел несколько часов один. Начал было играть, но, кроме лая собак, – ни одного отклика.

И вдруг – раскаяние... Откуда-то в нем взялось раскаяние, это чувство вины перед своими друзьями детства – за гордыню, за то, как уехал сам, как потом перевозил в город родителей, презирая всех вокруг за то, что остаются.

Асклепий, не представляя, что скажет и как, пытаюсь заглушить стыд за своё прошлое, движимый только лишь приущей ему решительностью, желанием доказать себе, что он лучше, чем сам себе кажется сейчас, направился к дому своего ближайшего друга. Подошёл к забору и начал играть. Была глубокая ночь, но через несколько минут игры послышался шум в сенях, открылась дверь. «Асклепий, ты?» – «Я».

Обнялись, прошли в дом. Жена Михаила накрыла на стол.

Так все узнали: Асклепий вернулся.

Теперь он возобновил посиделки под покосившимся забором. Он играл, как прежде, на своей гармонике. Его прежние друзья приходили уже семейным парами, с детьми. Асклепий же ждал, что когда-нибудь вернется та девушка в белой шали. Гордыня не позволяла ему спросить о ней.

А она всё не приходила, и пустота, накрывавшая его в городе, начала возвращаться к нему приступами тоски по тамошней, насыщенной светскими событиями жизни, многочисленным поклонницам, успешным друзьям.

И Асклепий стал выпивать – делать то, чего никогда не

позволял себе в городе, следя ревностно за своим имиджем.

Здесь же он напивался так сильно, что сутками не выходил из дома.

Друзья не мешали. Позволяли ему жить так, как он мог. Житейская мудрость, любовь к Асклепию подсказывала им, что на некоторые вопросы человек может найти ответы только в одиночку, только пройдя через ту боль, которую заслужил.

И Асклепий пил. Погрузился на самое дно той жизни, что раньше презирал и ненавидел. Стал обычным деревенским мужиком-пьяницей – тем, кем всегда боялся стать. Чувствовал себя комфортно. Жизнь стала проста – впервые для него. Он перестал чувствовать вину за то, что не пишет. Он был почти счастлив, перестав гнаться за успехами, позволив себе плыть по течению своей жизни.

Зато иногда, в пьяном угаре, брал в руки гармонику и играл. Играл от души, закрыв глаза, – поначалу представляя, что напротив сидит та девушка в белой шали и смотрит на него своими огромными серо-голубыми глазами. Но потом музыка увлекала его в свои потоки, и он играл непрерывно, играл часами без перерыва на отдых, играл, изливая в музыку своей тоску о несбывшемся. Тоску своей души, так и не нашедшей покоя в этом мире, не нашедшей своего счастья. Постепенно Асклепий достиг такого совершенства в игре на гармонике, что пронзительность своей музыки он

был вынужден запивать алкоголем – уж больно тоскливыми выходили мелодии его души. И выбраться из этого замкнутого круга Асклепий был не в силах.

Шёл второй месяц, как он вернулся домой.

III

Он увидел белую шаль. «Белочка!» – сверкнул в сознании отрезвляющий страх.

– Акаций! – услышал он нежный женский голос где-то совсем близко.

Он зажмурил глаза в надежде, что белая шаль исчезнет вместе с голосом.

– Акаций! Просыпайся! – голос раздался совсем близко, и в нём определённо звучали требовательные нотки.

– Почему ты называешь меня Акацием? – спросил он, не открывая глаз.

– Открой глаза, Акаций! – голос становился раздражающим, и Асклепий-Акаций обречённо повиновался, открыв глаза.

Серый дощатый потолок своего деревенского дома – всё, что он увидел.

Обрадованно он посмотрел на то место, где видел шаль, – шали не было.

«Фу, почудилось... Надо завязывать с выпивкой! – решил Асклепий и посмеялся над прозвищем Акаций: – Ин-

тересно, какие сюрпризы выдаёт иной раз сознание. Надо будет сочинить об этом Акации какую-нибудь историю...» С такими мыслями Асклепий открыл дверь на улицу и обмер. На крыльце, вся в сиянии утреннего солнечного света, стояла Она – девушка с огромными серо-голубыми глазами, в неизменной, накинутой на плечи белой шали.

Асклепий стоял как истукан и молчал. Смотрел на неё, боясь, что вот он заговорит с ней – и она исчезнет.

И так много слов сталкивалось друг с другом в его голове, и ни одно из них не подходило, и его писатель заговорил с ним громким голосом, указывая, в каком стиле и в каких выражениях пристало говорить с девой в белой шали сейчас, и что слог должен быть непременно высокопарным, а слова – заслуживающими доверия, но Асклепий стоял, молчал, любовался тем, как свет падал на её волосы и пушинки шали колыхались на ветру...

Молчание нарушила девушка в белой шали.

– Проснулся, Акаций?

«Никакой романтики, я всё ещё сплю, или это бред, но почему Акаций?» Асклепий по-прежнему молча взирал на деву в белой шали, только во взгляде его было столько муки, столько невыразимого желания, чтобы это было явью, и столько боли от осознания того, что это всё сон.

Асклепий обреченно сел на ступеньку крыльца, опустил голову и приготовился слушать свою галлюцинацию. То, что она продолжит говорить, практически не вызывало у него

сомнений.

– В какой-то степени ты прав. Видишь меня только ты, Акаций. – Дева присела рядышком, и он почувствовал её пряный запах. «Какие странные духи», – подумал Асклепий и наудачу, повинувшись вдруг взывавшему в нём инстинкту, обнял деву и жарко поцеловал её в губы. Она была как будто настоящая. Этот поцелуй жёг губы Асклепию. Он вдруг испугался своей смелости, весь взмок от волнения и желания, смотрел на деву и никак не решался промолвить хоть слово.

– Тогда я продолжу, – дева вновь подала голос, как будто ничего страшного не произошло. «Как будто вообще *ничего* не произошло!!!» Асклепия накрыла бешеная злость на реакцию – точнее, отсутствие реакции – девушки в шали на его поцелуй. «Ничего не буду слушать!» Асклепий зажмурил глаза, заткнул уши пальцами и стал бубнить про себя первое, что пришло на ум. Бубня, Асклепий в ужасе осознал, что бубнит «Отче наш». Теперь ему стало действительно страшно – оттого, что ему вдруг подумалось: а если это была демонесса в белой шали и теперь она исчезнет – от слов его молитвы... Асклепий так испугался, что натворил непоправимое и та прекрасная демонесса никогда больше не явится ему, что продолжал на автомате бубнить молитву, судорожно пытаясь придумать хоть какой-нибудь план дальнейших действий. Кроме цитат из «Фауста», на ум не приходило ничего. Асклепий сбивался с молитвы на Гёте и обратно, но так и не мог определиться, что же лучше – ведь

финал «Фауста» не был так уж хорош... Писатель Асклепия стыдливо молчал.

Так прошло минут пять или десять... Асклепий не издавал уже ничего, кроме бессмысленной абракадабры из слов.

Открыв глаза, огляделся вокруг. Девы рядом уже не было. В отчаянии Асклепий стал бегать по всему двору в её поисках. Не нашёл.

До вечера не выпил ни грамма. Прибрался в доме, приготовил ужин. Зажёг свечи.

Вслух стал декламировать Пушкина:

– «Я помню чудное мгновенье...»

Конечно же, она не пришла в тот вечер. Не пришла и в другие дни и ночи, когда он ждал её.

Окончательно свыкнувшись с мыслью, что это была демонесса и он прогнал её силой своей молитвы, Асклепий засобиравшись в город.

Друзья промолчали, узнав о его решении.

Ему было стыдно, но он соврал им, что уезжает путешествовать по миру в поисках вдохновения. Втайне Асклепий твёрдо решил вернуться к прошлой жизни в городе, подумав, что отсутствие демонов в жизни не есть свидетельство её пустоты. Поверил в то, что излечился от недуга и теперь уже ничто не будет мешать его счастью. Ведь он достоин счастья – городской жизни в лучах успеха. Асклепий вновь убедил себя в том, что его счастье – это его писательский успех. Асклепий не позволял себе возвращаться к выпивке

и все сомнения в правильности принятого решения предпочитал глушить сочинительством. Да, Асклепий стал судорожно писать историю Акация – сказку о взаимоотношениях человека и демонессы, прекрасной, как сама Любовь, – с большими серо-голубыми глазами, в неизменной белой шали на плечах.

Почти закончив пьесу, Асклепий устроил посиделки со старыми друзьями. Это был вечер накануне его отъезда. На гармонике, правда, не играл. Всеми мыслями он вновь был в городе, предвкушая успех своего нового произведения, восторженные рецензии издателей, признания поклонниц. Друзьям не читал – сказал, что плохая примета. Гости быстро разошлись, понимая, что Асклепия с ними больше нет. Он вновь уступил место Аллегории. Кто бы то ни был сейчас, но он остался один.

В нетерпении ожидал утра, присев на чемоданы. Акацию не спалось. Гармоника манила, но он боялся брать её в руки, опасаясь вновь погрузиться в этот тоскливо-музыкальный запой.

Он просидел час, два... Его стало клонить ко сну, и тут он сдался.

Гармоника оказалась в его руках, залпом выпив стакан самогонки, Акаций с упоением приготовился погрузиться в свою музыку. Но что-то пошло не так.

Гармоника издавала звуки, но не было в них гармонии. Тоски особой тоже Акаций в себе не наблюдал.

Демонесса забрала с собой всё.

Акаций взвыл в бессильной злобе, почувствовав себя обокраденным.

Прибежали друзья, вызвали врача. Скорая увезла рвущего на себе одежду, рыдающего, воющего и мечущего страшные проклятия Акация в больницу.

С той поры его никто не видел.

Лишь какая-то медсестра говорила, что к пациенту, называвшему себя Акацием, однажды приходила посетительница в белой шали и это был последний раз, когда его видели. Да ещё в соседней деревне парень, лучше всех игравший на гармонике, изредка видел двух странных гостей на традиционных вечерних посиделках – из не местных, никто их не знал. Это была девушка в белой шали, с огромными серо-голубыми глазами, и парень вместе с ней – измождённого, болезненного вида, с лихорадочным таким взором, неизменно обнимавший свою спутницу, будто боялся её потерять.

Паренёк, лучше всех игравший на своей гармонике, жалел лихорадочного спутника светлоглазой девы и играл для него всегда самые душевные свои мелодии, чувствуя, что другого покоя этому болезному уже не светит.

И каждый раз, когда мелодия его гармоники оказывалась особенно нежна, девушка в белой шали вся светилась от счастья. И каждый раз это был вечер, когда спутник девы, обнимавший её так, будто боялся потерять, доставал свою

гармонику и играл, вторя душевностью своих мелодий пареньку. И спутница его выходила в круг со всеми остальными девушками и танцевала, плавно покачиваясь в такт музыке, взмахивая белой шалью, будто крыльями, в вечерних сумерках.

И паренёк был счастлив, и круг был замкнут, и эту историю никто никогда так и не прочтёт.

The end.

Аллегорий счастлив. Исповедь Музы

– Да, я приходила к нему пару раз. Это и неудивительно.
– Муза опустила глаза, рот её скривился в презрительной ухмылке.

Пауза была долгой. И когда Муза вновь взглянула на Летописца, её огромные, серо-голубые глаза были полны вызова и... слёз.

Теперь Летописец отвернулся от Музы, не в силах выдержать этот призыв к Совести. Он вырвал своей Совести язык достаточно давно, чтобы привыкнуть к ноющей фантомной боли, но разве Музу это трогало? Совесть вопила истошно, в ушах у Летописца звенело, во рту пересохло, и хотелось выйти, глотнуть свежего воздуха, спрятать от Музы наворачнувшиеся слёзы – почему-то слёзы обиды, жалости к себе – почему?! Летописец потерял самообладание и по-

чувствовал себя маленьким, потерявшимся в тёмном и глухом лесу мальчиком, но продолжал сидеть тупым истуканом перед Музой.

Она глядела на него не отрываясь. И продолжила тихим, холодным голосом: «Он был на войне, и ты знаешь почему. Я это знаю. Поэтому Аллегорий вызывает только лишь ненависть и презрение. Поэтому Аллегорий никогда не будет счастлив. Поэтому его шуты всегда будут круче него самого. Поэтому его бросила мать и обманул наставник. Он пуст и никогда не будет полон. Как смеешь ты просить меня за него?»

Муза встала и обиженно ушла от Летописца.

Он унял дрожь и вышел вслед за ней.

Стоя на крыльце, Летописец любовался одиноко склонившейся над водой фигуркой Музы. Она водила ногой по мокрому песку, и из глаз её – Летописец знал, чувствовал кожей – капали горячие, крупные слёзы. Они катились без остановки, одна за одной, как драгоценные бриллианты, и виной тому был он.

Летописец небольшим усилием Воли приглушил фантомную боль и вернулся домой.

Музы не стало в ту же ночь.

Летописец продолжил свою никчёмную жизнь.

Однажды, перебирая бумаги, он нашёл письмо от Музы.

«Знаешь, Любовь всегда так смеялась над Аллегорием. И

над Фёдором сейчас потешается особенно. Хохочет в голос просто. Я навещу её, пожалуй. Меня тошнит от тебя. Муза».

P. S. Однажды дряхлый и немощный от старости Аллегорий сидел, по своему обыкновению, у окна, наблюдая сквозь частую решётку за медсёстрами, выгуливающими больных. Одна из них катила коляску со старушкой в забавном чепчике. Аллегорий зачем-то принялся наблюдать пристально за этой парочкой. Не сразу поняв, что пытается и никак не может разглядеть лицо сидящей в кресле, Аллегорий раздухарился, раззадорился, да так, что стал судорожно перемещаться в своем инвалидном кресле от одного зарешеченного окна к другому, следуя за старушкой.

Вспотев от натуги, волнуясь, Аллегорий совершенно забыл в своём азарте о том, что совсем почти выздоровел и это его последний день в лечебнице перед выпиской.

А ведь вся жизнь его прошла в этой клинике для душевнобольных. Он и сам был таким когда-то, как эта старушка, – ему не позволяли гулять самостоятельно. За исключением пары месяцев, когда ему удалось сбежать, – правда, его довольно быстро нашли – в канаве, грязного, замёрзшего, с трясущимися от голода конечностями и слипшимися от пота жирными волосами, свисавшими спутанными прядями на лицо. Аллегорий не любил вспоминать этот момент. Ведь всё время своей свободной жизни Аллегорий следовал за Музой и был так счастлив. Когда его наконец поймали

и вернули в клинику, Аллегория потребовались годы для того, чтобы осознать, принять свою болезнь. И вот он победил свой недуг. Аллегорий сегодня уходит из больницы!

Костлявые пальцы Аллегория всё быстрее крутили колёса инвалидного кресла. Медсестра так шустро катила старушку, что он еле поспевал от одного окна к другому. Наконец Аллегорий упёрся в глухую стену.

«Я знаю, что это была Ты. На тебе не было той самой шали, и ты не захотела посмотреть на меня ни разу, не подарила мне ни единого своего взгляда – пусть!

Я знаю, что это была Ты».

Аллегорий привычно запрокинул голову в псевдоистерическом экстазе, прочистил горло, кашлянув пару раз, и зычно крикнул:

– Ты-ы!..

Прибежали медбратья, врач, поднялась адская суета.

Аллегорий скончался, не приходя в сознание после проведённого над ним сеанса лоботомии.

На его могиле долгое время красовалась записка, написанная от руки круглым женским почерком и приколотая булавкой к табличке с именем умершего:

«Моя самая сладкая месть».

Любовь и Муза

– В чём сила, брат? – лучезарно улыбнулась Муза Любви, завидев его, одиноко сидящего на упавшем дереве.

Любовь поспешил навстречу Музе, радостно улыбаясь ей в ответ.

– Я задержалась, прости. – Муза подошла ближе и виновато вздохнула.

Любовь понимающе обнял Музу, и так они стояли долго, молчали, и Муза плакала, уткнувшись ему в грудь.

Они стояли так, и день сменяла ночь, облака уходили на юг и приходили на запад, а Муза продолжала обнимать Любовь. А Любовь продолжал обнимать Музу и никогда не разомкнул бы своих объятий первым.

Первые капли дождя – крупные и тяжёлые – упали на них, напомнив о цели их встречи.

– Пройдёмся по лесу? – попросила Муза Любовь, и, в обнимку, они пошли по лесу, и солнце светило ярко, и Любовь весело насвистывал и улыбался так счастливо.

– Ты не можешь провожать меня дальше. – Любовь остановился и серьёзно посмотрел в глаза Музе, взяв её за плечи.

Действительно, вокруг уже стало темно, тучи заполонили небо. Муза опять стала плакать – и не могла остановиться, смотрела сквозь слёзы на Любовь – и не могла оторвать от него глаз.

Любовь вновь обнял Музу, и так они стояли, и вокруг

бушевал шторм, и деревья клонились до земли под его натиском, сверкали молнии, дождь обрушивал на Любовь и Музу всю свою мощь, оба они промокли до нитки, но так и не размыкали своих объятий. Муза продолжала плакать.

Рыдая, не смотря на Любовь, она подняла правую руку ладонью вверх.

Продолжая прижимать к себе Музу, Любовь вложил в её руку Вещь и тут же, вздохнув невольно и с облегчением, испарился.

Муза осталась одна с Вещью. Застыв растерянно, она медлила и продолжала стоять на месте, где в последний раз видела Любовь.

Вдруг, продираясь сквозь глухую чашу, Любовь вновь появился перед Музой.

– Извини, совсем забыл. – Любовь вытащил из ножен меч и вручил Музе. – Вот. Самое главное.

Во взгляде Любви сквозило беспокойство и вина, но надежда замыкала ряды, и Муза засияла счастливой улыбкой с хитрецей, засмеявшись:

– Вот это совсем другой коленкор!

Они вновь обнялись.

– Спасибо, Любовь. Ещё раз прости, что долго. – На глаза Музы опять навернулись слёзы.

– Ну всё, дай пять! – серьёзно, по-взрослому сказал Любовь.

Муза ответила Любви взмахом руки, и это мгновение бы-

ло последним видением Любви перед Музой.

Муза, тоже став серьёзной, обречённо, но всё-таки решительно направилась по тропе к озеру.

На Балу

Муза решила навестить по пути к озеру одного старого приятеля и свернула ненадолго с дороги в лес.

Лес встретил Музу радушно. Леший выглянул из-за дерева, хитро прищунив глаз.

– Муза, штоль?

Муза раскинула руки для объятий и засмеялась:

– Не так уж много времени прошло с той встречи, малыш...

Леший вышел из-за дерева, и они обнялись, как давние друзья.

Позже, в «избушке» Лешего – попросту глубоком дупле в самом большом дереве леса, расположенном так низко, что можно было спокойно войти в него и выйти, – Муза и Леший пили чай на ароматных лесных травах и вели неспешную беседу о Любви.

Муза, как это водится, пустила слезу. Леший понимающе молчал, вздыхая.

Дав Музе успокоиться, Леший добавил в её кружку чаю и заговорил.

– Никто не мог ожидать, что это случится так скоро. Но вот – ты, и вот – я, и нас отделяет от озера день пешего пути. Я провожу тебя, ибо промедление опаснее, чем сама цель.

Муза поставила чашку с блюдцем на пень.

– Спасибо, Леший.

– Что ты, на вторую кружку чая время всегда есть – я же знаю, ты пьёшь по две. – Леший опять хитро поглядел на Музу и засмеялся.

Муза, довольно улыбнувшись, вновь взяла кружку в руки и, расслабленно закинув ноги на тот же пень, заговорила, и на этот раз без слёз.

Леший посмотрел на Вещь и предложил Музе:

– Может пока полежать у меня, если хочешь.

– Смысла нет тогда идти к озеру, ты же понимаешь.

– Другие ходят, и ничего. – Леший отчаянно протягивал Музе соломинку. В глазах его была боль и решимость. – Мы всегда можем всё отменить.

Муза посмотрела на Лешего задумчиво и грустно.

– Ты, Леший, ошалел, штоля?! Обдурить меня задумал?

– Баба-яга вмешалась в разговор, кинув в Лешего грязной тряпкой.

Завидев Вещь, Баба-яга присела в неуклюжем реверансе и замолчала.

Вещь заговорил в присутщей ему высокомерной манере. Муза терпеливо молчала, лишь вскинув левую бровь от возмущения.

– Леший, я тебя умоляю, верни мне тряпку – в избушке полы мыть нечем! – Баба-яга шёпотом обратилась к Лешему, из последних сил удерживавшему Вещь на расстоянии от Музы.

Леший, скрежеща зубами, прохрипел старухе:

– Забудь про свою тряпку, Яга. Теперь уж не до уборки!..

Вещь говорил, Баба-яга шёпотом причитала, искоса поглядывая на Вещь, Муза устало посмотрела на Лешего. «Сейчас!» – кивнул Леший Музе. Муза бросилась наутёк.

Она бежала, не разбирая дороги, ведомая запахом воды и русалок.

Неслась, как ветер, не оглядываясь.

Цена была так высока, а цель далека, и, на самом деле, для Музы уже давно не было во всём смысла.

Озеро не манило её дух больше. Она бежала, ведомая лишь инстинктом, и постепенно Рысь побеждала в ней Музу, и вот уже не Муза, а Рысь бежала по лесной чаще напрямки к озеру, минуя дорогу. Рысь бежала от того, чьё смрадное дыхание уже нависало тёмной тучей над верхушками деревьев – Вещь вырвался из плена Лешего и выслеживал беглянку.

Пробегая мимо ручья, Рысь остановилась, чтобы отды-

шаться. Увидев в воде своё отражение, Рысь чихнула и вновь обернулась Музой. Утолила жажду и, прилёгши на прошлогоднюю дубовую листву, равнодушно уставилась в небо.

Небо было серым. Лес – пасмурным. Муза свернулась калачиком и заснула. Бежать не было никаких сил.

– Проснись, Музочка!.. – голос был жалобным и писклявым.

Комар жужжал над ухом Музы пронзительно-настырно.

– Баба-Яга очень просила вернуть её тряпку – она не может мыть полы в своей избушке на курьих ножках, в той избушке, что к лесу задом, к путникам передом, так ты и сама знаешь, верни ей тряпку, очень надо, ну пожалуйста!..

Она мне баню истопить обещала за труды.

– Комар! Ты какой веник предпочитаешь? Берёзовый или дубовый? – Вещь появился неслышно.

Комар сбавил обороты и понизил свой писк до «соль».

Вещь подходил к валявшейся у ручья Музе не спеша, мягкой походкой хищника, завидевшего жертву.

Муза, устало приподнявшись на локоть, взглянула на Вещь.

– Ты ли это, Друг мой?

– Насмешки неуместны, Муза. Это я. – Вещь присел рядом с ней.

– А я-то думаю, что так темно стало... – Муза посмотрела в лицо помрачневшему Вещи и брызнула на него водой

из ручья. Крупные тяжкие капли красиво стекали по его красивому лицу. – А ведь я и вправду не знаю, кто сейчас предо мной. Так много имён, и так мало толку.

Вещь взял Музу за руку:

– Глупо было бежать от меня, Муза.

– Теперь до озера не добраться, да?

– Зачем *нам* к озеру, дорогая? – Вещь взял Музу на руки и направился в непролазные лесные дебри. – Глупо было бежать от меня...

Голос Вещи затихал, а комар, трусливо попискивая, сикнул в ручей, да там и потонул.

Муза и Вещь

– В этом не было никакого смысла! Зачем мы здесь? И... Как ты это провернула? – На последних словах Вещь угрожающе приблизился к лицу Музы и буквально шипел слова прямо ей в лицо. Его горячее дыхание обдавало Музу будто жаром адского котла. Она отвернулась, продолжая, однако, искоса глядеть на Вещь.

– Не думала, что ты будешь так нервничать... – Муза парировала насмешливо-кокетливо. – Я – Муза. Забыл?

Вещь в одно мгновение откинуло на другой конец узкого полумесяца морского побережья, на котором они находились с Музой. Нервно отвернувшись, Вещь пытался скрыть от Музы свои эмоции.

– Отчаяние. Отчаяние и страх, – сухо констатировала Муза.

Вещь посмотрел на Музу, и она увидела слёзы на его по-прежнему красивом и юном лице.

– Смотри на меня, не отворачивайся, – Муза сделала шаг навстречу Вещи. Он в надежде встал и, выпрямившись, развернулся к ней всем корпусом.

– Что видишь? – Муза сделала ещё шаг навстречу.

Вещь огляделся. Вокруг была одна сплошная тьма, завывал ветер так тоскливо, что, казалось, никому не вынести это дольше трёх секунд. Волны, ревя, разбивались о высокие остроглавые скалы, окружавшие залив, что был устлан белым мелким песком.

Берег-полумесяц светился в темноте, отражая свет полной луны.

– Ты прекрасна, – тихо вымолвил Вещь.

Муза сделала ещё шаг к Вещи.

Вещь нервно дёрнулся было в порыве кинуться навстречу Музе, но всё-таки смог сдержаться и остался стоять на месте.

Муза вскинула руки и звонко хлопнула в ладоши. Всё вокруг озарилось роскошным, мягким золотым светом утренней зари. Обратив свой лик к восходящему солнцу, Муза запела протяжную песню. Голос её был тонок, высок и чист. Когда она закончила петь, волны морские стихли и из воды явился Принц – прекрасный, волоокый, юный. Имя ему

было – Георгин. И следовало за ним племя русалок, и у каждой в руке был трезубец, и каждая была полна решимости и достоинства.

Выйдя на берег, Георгин оказался ровно посередине между Музой и Вещью.

Муза с почтением приветствовала Георгина, с тёплой улыбкой склонив перед ним голову.

Русалки склонились в нижайшем реверансе перед Вещью.

Георгин вскинул руки и выпустил из своих ладоней белого голубя. Небо озарилось счастьем.

Вещь отчаянно рыдал, поняв наконец, что не может сдвинуться ни на йоту при всём своём желании и полностью зависит от Музы и Принца сейчас.

Муза хлопнула в ладони снова. Зашумел зелёный лес, зашелестели цветы в траве, источая медовый аромат лета. Муза сделала ещё шаг к Вещи.

Вещь скукожился, скорчился, скрутился в мучительных судорогах. Рёв, полный страданий раненного зверя, изрыгнул он из глотки. Рык его далеко разнёсся по скалам, чьи вершины уходили к самим небесам.

Сочувствие промелькнуло в глазах Музы. Принц же взирал на страдания Вещи без боли, с лёгкой полуулыбкой Знающего.

Муза занесла было руки для третьего хлопка, но Вещь остановил её взмахом раскрытой ладони:

– Остановись, Муза. Я прошу тебя.

– Возможно, если правильно ответишь на мою загадку. – Муза устало вздохнула, безнадежно глядя на Вещь, по-прежнему прекрасного, страдающего, невозможно юного...

– Говори быстрее, умоляю!.. – Ни капли гордости не осталось в Вещи. Страдания очистили его, казалось Музе. Русалки обнажили мечи.

Вещь, завидев это, уже не в силах говорить, с беззвучной мольбой воззрелся на Музу.

– Это Договор. Ответишь неверно – голова с плеч. – Муза опустила глаза. Принц с интересом наблюдал за Вещью и ухмылялся.

– Он заслужил #головусплеч, не так ли, Муза, дорогая? – голос Принца звучал дивно, манил воистину морской глубиной и переливался перламутровыми оттенками, как броня русалочьего воинства.

Муза с любовью посмотрела на брата.

– Каждый получает то, что заслуживает. Давай посмотрим, что получит Вещь. Итак, ты готов выслушать вопрос? – голос Музы зазвучал гулко, как в тронном зале.

Вещь в почтении опустился на колени и, склонив голову, тихо, еле слышно ответил:

– Да, моя единственная.

Презрительно фыркнув, Муза огласила вопрос:

– Какого цвета мои глаза?

Вещь поднял голову и, глядя в лицо Музе, долго молчал

в нерешительности. В горле его пересохло от волнения, и, то и дело косясь в сторону русалок, он малодушно поглядывал на Принца в надежде получить подсказку.

Муза занесла руки для хлопка.

– Красные! – вскочив, заорал с пеной у рта Вещь. – Красные у тебя глаза, слышишь?! Разве ты сама не знаешь, ну ведь красные же!

Взбешённый, Вещь, будто скованный невидимыми цепями, пытался, но никак не мог кинуться на Музу.

Принц продолжал ухмыляться, казалось, получив подтверждение своим мыслям относительно Вещи.

Муза беззвучно лила слёзы, когда русалки вышли на берег, обретя, наконец, свои ноги.

Не обращая внимания на Вещь, сложив мечи в ножны и мерно переговариваясь друг с другом, они прошли мимо Музы, Вещи и Принца, будто совсем их не замечая.

Когда почти все из них скрылись в лесной чаще, одна из последних, на мгновение обернувшись, мелодично журчащим нежным голоском пропела: «Спасибо тебе, Муза». Улыбнулась ей, махнула рукой Принцу, склонилась в реверансе перед Вещью и покинула Берег навсегда. Это была последняя русалка, которую видел кто-либо на Берегу.

– Я прав! Ну конечно же! Я ПРАВ!!! Ты проиграла! Муза! Я буду жить! – Вещь гоготал, сбрасывая нервное напряжение в гомерическом бурлящем каскаде звуков, извлекаемых гортанью, и, увлечшись, не заметил, как запел, подобно

кочевым странникам, низко и вдохновенно.

Пропев некоторое время, Вещь стал постепенно осознавать смысл происходящего: что голос ему как бы не принадлежит и что музыка ведёт его, а не наоборот.

Осознав, наконец, своё поражение, он нашёл в себе силы и посмотрел-таки в вопрошающем отчаянии на Принца. Тот подошёл ближе и, вытащив свой меч из ножен, заговорил наконец с Вещью.

– Я считаю, ты недостоин. Но покажу тебе, в чём твоя ошибка. Узри! – голос Принца рокотал штормом девятого вала, когда остриём своего меча он прикоснулся к левому плечу Вещи.

Вещь вдруг увидел Тьму вокруг. Был штиль, и луна сияла ярко. И перед ним стояла Муза в простом белом платье, и рыжие длинные волосы её колыхал ветер. Она улыбалась ему такой привычной – простой и милой – улыбкой, обманчивой в своём всепрощении, что он на мгновение вспомнил те времена, когда сам не был Вещью, а Муза не была...

Слёзы застилали ему глаза и не давали смотреть на Музу.
– Какого цвета мои глаза? – голос Музы был печален как никогда.

Зажмурив глаза, дабы выдавить из них предательские слёзы, Вещь поднялся с колен и взглянул вновь в лицо Музы. Он видел перед собой её прежнюю.

– Только глаза твои светятся изумрудной зеленью! – Миг, когда Вещь понял всё, стал последним мгновением его жиз-

ни: Принц, не мешкая, снёс ему голову с плеч.

– Так ты расскажешь, как провернула всё это?

Вытирая меч травой, Принц с интересом поглядел на Музу.

– Конечно, Вещь. Я расскажу тебе. – Муза с любовью взяла голову Вещи и поднесла к своему лицу. Вещь недовольно скривился.

– Всегда ненавидел этот ваш «семейный» юмор... – Было заметно, что Вещь сильно обижен. Слезы закончились, и некоторая сухость покровов, характерная для обезглавленных в первые сутки после, не давала Вещи больших возможностей для привычных ему эмоциональных манипуляций.

Принц откровенно засмеялся над Вещью, но не проронил ни слова.

Муза, засмеявшись в ответ, плавно провальсировала с головой Вещи на вытянутых руках к его телу.

Приладив голову Вещи к его телу кое-как, она выпрямилась, отряхнулась, и, хитро взглянув на Георгина, приняла нарочито торжественный вид.

Принц подошёл к телу Вещи тоже, сотворив скорбную мину.

Вещь устало фыркнул:

– Блестяще!

Муза присела на траву рядом с Вещью, погладила его с нежностью по груди.

– Жаль, ты никогда не любил меня. Это – правда. – Муза

с грустью прикоснулась к щеке Любимого.

Отвернувшись от Вещи, она хлопнула в ладоши в последний, в третий, раз. Вещь обратился в прах.

«Не смотри, сестра!» – Георгин, взяв Музу за плечи, помог ей подняться. Обнявшись, они покинули Берег.

Три дня, которые изменили мир. Исповедь Музы – 2

Кошка никогда не теряет своей царственности.

«Мне достаточно было одного – самого последнего. Но порой то, что кажется таким мелким и незначительным, оказывается самым труднодостижимым.

Например, её пафос – да зачем он нужен вообще? Такая мелочь. Счастлива, что избавлена от этого. Спасибо. От души, я бы не смогла *так*. Изнеженная принцесска, как оказалось, я. И это – то, за что мне всегда будет стыдно. Всю оставшуюся жизнь. Недостаточно сообразительна, чересчур эгоистична, патологически независима – я.

Но время, что ты подарил мне, бесценно. Что же мне делать с ним теперь?

Я устала жить».

Муза запечатала письмо в бутылку и отправила по волнам.

На золотом песке, под пальмами, на цветастом бархатистом ковре возлежал Джинн. Бутылку, что прибило волнами к его ногам, распечатала Жасмин.

Прочитав письмо Музы, она прониклась сочувствием к ней и протянула письмо Джинну.

Посмеявшись над Музой и над чувствительностью Жасмин, Джинн скомкал письмо и выкинул прочь.

Пески поглотили его.

Собачка Лило весело бежала по берегу с детишками, что громко кричали, радуясь прекрасному солнечному дню, лету, беззаботно играли с водой, и брызги летели во все стороны, и в каплях играло Солнце, улыбаясь детишкам и Лило.

Лило отстала на мгновение от ребятешек, разнюхивая ракушки в песке, и вдруг учуяла какой-то незнакомый, острый, пряный запах.

Лило стала рыть песок дальше, следуя чутью.

«Лило, ко мне!...» – звонкий голосок мальчугана с синими, как Небо, глазами отвлек Лило от приятного занятия.

Лило, увидев, что сильно отстала от детей, бросилась следом.

Ночь накрыла восточный город Асруз. Тонкий полумесяц покачивался в небесах. Негромко шумело море в большой раковине, что подарил Джинн Жасмин.

Она уже битый час искала письмо Музы на пляже, но всё без толку.

Уставшая, Жасмин сидела на остывшем песке, слушала море и гладила раковину.

Её внимание привлекла маленькая чёрная собачка, усиленно рывшая песок неподалёку.

Ветер с тихим, почтительным шелестом поднёс находку Лило к ногам Жасмин.

Жасмин бережно разгладила письмо Музы и аккуратно вложила его в раковину.

Пряный запах источало письмо в её доме. Лило любила лежать возле этой своей самой ароматной в мире находки.

И это было *начало*.

Любовь

Муза пришла к озеру прямо на закате.

– Вовремя, как и должна была. – Аллегорий для вида посмотрел на часы.

Муза расслабленно улыбнулась:

– Акаций, я счастлива видеть тебя здесь...

Эти двое взялись за руки и вошли в озеро.

Голоса русалок торжественной мессой взвились к облакам.

Сон Музы

Муза тонула. Молотила руками и ногами по воде отчаянно, дерясь со стихией за свою жизнь. В сознании спасительной соломинкой мелькали образы сказки про лягушку в кувшине с молоком, лицо Лешего. Для Жалости более не было времени, и Муза хладнокровно сменила тактику. Набрав побольше воздуха, закрыв глаза, Муза тихо ушла на дно.

Почувствовав под ногами ил, Муза открыла глаза.

Перед ней сидел высокомерный, как всегда, юный и прекрасный Вещь.

Он чувствовал свою власть над Музой и не пытался скрыть своего удовольствия.

«Думала, так легко от меня отделаться, Муза, дорогая? У меня уже не осталось эффектных фраз для наших встреч». – Вещь осознавал, что лучший эффект, который он производил, он производил своей внешностью, и не утруждал себя подбором подходящих случаю слов.

Муза выдохнула. Пузыри красивой стайкой ушли вверх. Проводив их взглядом, Муза внимательно посмотрела на Вещь, и вступила в мысленный разговор с ним: «Чего ты хочешь от меня, Виктор?»

«О... Ты знаешь моё имя... Муза, ты оправдываешь свою репутацию, дорогая... Теперь я вижу – всё, что о тебе говорили, – правда». – Вещь помолчал, выдержав воистину театральную паузу. Муза была спокойна, как сапёр на мин-

ном поле. Время, что текло холодными ручьями в царстве мёртвых, работало на Вещь.

Знал ли Виктор, кто есть Муза на самом деле?

Муза не планировала открывать ему своей тайны. Открыв рот, глотнула немного воды. «Ты ведь не возражаешь, милый? Захотелось пить...»

Виктор нахмурился. Понимая, что всё-таки что-то упускает, сказал, наконец, главное.

«Я хочу, чтобы ты меня задушила».

«Отчаяние и страх. Ну стоило искать со мной встреч, если не приготовил для своей Музы ничего нового? Виктор».

– Муза надула губки и скорчила недовольную мину избалованной дурочки.

«Тебе ведь не стоит рассказывать почему, Муза?»

Муза решила, что пора наконец-то пожалеть Вещь и открыть ему глаза.

Она выпустила ещё одну стайку пузырей. На зов явилась Безмолвная Сестра.

Подплыв бесшумно, не касаясь дна ногами, будто привидение по воздуху, Безмолвная Сестра встала рядом с креслом, в котором сидел Вещь, в аккурат за правым его плечом.

«Смотри на меня». – Властный призыв Музы прозвенел в сознании Виктора гулом тысячи колоколов.

Виктор открыл глаза. Белая повязка на глазах мешала смотреть, но руки были неподвижны. Впрочем, как и всё

тело. Виктор был связан.

Бесшумный крик Виктора рвал только его нервы. Извиваясь в бешеных конвульсиях, он пытался освободиться от пут.

И тут услышал голос Музы: «Виктор, сейчас ты увидишь меня. Я исполню твоё желание. Я убью тебя».

Успокоившись, Виктор затих в ожидании.

Мягкая, похожая на женскую, рука коснулась его щеки. Он услышал скрежет ножниц, и материя, закрывавшая его глаза, спала.

На него смотрела Безмолвная Сестра. Взгляд её был исполнен любопытства и превосходства.

Она положила правую руку на шею Виктора и с силой надавила.

Муза подождала, когда сидящий в кресле Вещь перестанет конвульсировать.

Придя в себя, Вещь ещё долго не оборачивался.

Опустив голову, он молчал и, по своему обыкновению, даже не пытался подобрать слова.

Наконец, усилием воли, собрав всё своё высокомерие в кулак, Вещь заставил себя посмотреть на Музу.

«Тишина... Вот ты и стал её Безмолвным Братом». – Звонкий хохот Музы разошёлся в сознании Виктора колокольчиками миллиардов троек, скачущих по заснеженным

русским полям во весь дух.

Вещь обреченно обернулся на Безмолвную Сестру. Подав ей руку, встал с кресла, над которым больше не был властен, и уплыл вместе с ней, не касаясь ногами ила с подводными тварями, – именно так, как не ходят по земле призраки.

Муза не стала ничего кричать ему вслед. Благодарности она не ждала. Ей было грустно, что эта история с Вещью закончилась – всё-таки при жизни у него были неплохие задатки стать Музом. Так, в неспешных рассуждениях, Муза тихонечко прошла к так любимому Вещью креслу.

Осознав торжественность и всю историческую значимость момента, Муза заняла свой трон.

Высокий голос разошёлся по всему Водному Царству Музы, возвещая всем его жителям о приходе Новой Королевы – Единственной, что должна и может править, Последней, что останется жить.